

Запись беседы Первого заместителя Председателя Совета Министров СССР А.И.Микояна с премьер-министром Революционного правительства Кубы Ф.Кастро

3 ноября 1960 г.

12с

Сегодня утром состоялась двухчасовая беседа товарища А.И.Микояна с Ф.Кастро, на которой присутствовали и я.

Беседа прошла в сердечной и товарищеской обстановке. Ф.Кастро был очень озабочен и поднял все те вопросы, которые беспокоили кубинское руководство.

А.И.Микоян после взаимных приветствий передал Фиделю Кастро привет от Центрального Комитета КПСС и Ежикта

Сергеевича Хрущева, отметил, что ЦК КПСС высоко ценит мужество товарища Ф.Кастро и всего кубинского народа, решительно отстаивающего свободу и независимость своей страны. А.И.Микоян сказал, что ему лично приятно выполнить поручение ЦК КПСС, так как он знает Кубу, знает руководителей кубинской революции.

К сожалению, отметил А.И.Микоян, возникли некоторые расхождения во взглядах между руководством Республики Куба и нашим руководством. Посол Алексеев информировал об этих расхождениях, а также и о речи Ф.Кастро 1 ноября 1962 года, в которой он разъяснил народу Кубы позицию революционного правительства.

ЦК КПСС, подчеркнул А.И.Микоян, направил меня на Кубу, чтобы со всей открытостью обсудить с кубинскими товарищами все неясные вопросы. Судя по приему, сказанному на аэродроме, кубинские руководители считают эту встречу полезной. Я приехал сюда, продолжает А.И.Микоян, чтобы искренне и открыто поговорить с Вами. Сейчас мне кажется, было бы полезным, чтобы Вы, товарищ Фидель Кастро, откровенно сказали мне, какие вопросы Вас беспокоят. Только говоря откровенно, можно обеспечить полное доверие и взаимопонимание. После этой беседы, как мы с Вами условились, организуем встречу с секретарями Национального руководства СРО и подробно поговорим по всем вопросам.

В ответ на это Ф.Кастро заявил, что кубинские руководители рады вновь видеть А.И.Микояна на Кубе, поговорить с ним по важным для обеих сторон вопросам. Мы

знаем, попутно Ф. Кастро, что Н. С. Хрущев как-то сказал, что
"ЦК КПСС есть кубинец. И этот кубинец - А. И. Микоян".
Мы можем говорить с Вами, продолжает Ф. Кастро, вполне
откровенно, мы глубоко доверяем Советскому Союзу.

Что касается вопросов, в связи с которыми, как мы
объявили народу, возникли некоторые расхождения, хочу
сказать следующее.

Вопросы эти вызваны, в первую очередь, психологи-
ческими факторами. Мне хотелось бы отметить, что в дни,
когда возникла серьезная опасность, весь народ наш по-
чувствовал огромную ответственность за судьбы родины,
Все силы народа были напряжены. Чувствовалось, что народ
единым в своей решимости отстаивать Кубу. Все кубинцы готовы
были с оружием в руках выступить против агрессоров, гото-
вы были отдать свою жизнь, защищая свою страну. Весь на-
род сплотила глубокая ненависть к империализму США. В те
дни мы, даже, не арестовали никого, так как единство на-
рода было поразительным. Это единство явилось результа-
том большой идеологической работы, которую мы проводили,
разъясняя народу значение помощи Кубе со стороны Совет-
ского Союза, разъясняя чистоту принципов политики СССР.

Мы говорили народу о высоких патриотических це-
лях, которые преследуем, вооружая страну для защиты от
агрессии. Мы говорили, что стратегическое оружие - за-
лог прочности нашей обороны. Мы не проводили классифика-
цию оружия на оборонительное и наступательное, поскольку
все зависит от целей, для которых оно используется...

Говоря о психологических вопросах, хотели бы под-

черкнуть, что кубинский народ нас понял. Он понял, что мы получили советское оружие, что оборонительные возможности Кубы неизмеримо выросли. Поэтому, когда Кеннеди попытался нас запугивать, народ Кубы реагировал очень решительно, очень патриотически. Трудно себе представить, с каким энтузиазмом, с какой верой в победу записывались кубинцы в те дни добровольцами в армию. Народ чувствовал в себе огромные силы. Зная о действительной солидарности Советского правительства и народа, кубинцы психологически чувствовали себя сильными. Солидарность со стороны Советского Союза нашла свое материальное воплощение, стала, знаменем, вокруг которого сплотились воедино силы и мужество нашего народа.

Народ Кубы чувствовал огромную ответственность перед странами социалистического лагеря, видя советское стратегическое оружие на своей территории. Он сознавал, что это могучее оружие должно быть сохранено во имя интересов всего лагеря социализма. Поэтому несмотря на то, что самолеты США постоянно нарушали наше воздушное пространство, мы пошли на то, чтобы ослабить противовоздушную оборону Гаваны, но усилили одновременно ПВО районов размещения ракет. Наш народ с гордостью сознавал свою роль защитника интересов стран социализма. Зенитчики и все солдаты, охранявшие районы размещения ракет, были полны энтузиазма и были готовы оборонять их ценой своих собственных жизней.

Напряженность обстановки росла, росла и психо-

идеологическая напряженность. Весь народ Кубы был готов к обороне...

И вдруг - уступки ...

Уступки со стороны Советского Союза произвели гнетущее впечатление. Психологически народ наш не был готов к этому. Возникло чувство глубокого разочарования, горечи, боли. Как будто нас лишили не ракет, а самого символа солидарности. Сообщение о демонтаже ракетных установок и возвращении их в СССР сначала показалось нашему народу наглайшей ложью. Ведь народ Кубы не знал о соглашениях, не знал о том, что ракеты продолжают принадлежать советской стороне. Кубинский народ не представлял себе юридического статуса этого оружия. Он привык к тому, что Советский Союз передавал нам оружие и оно становилось нашей собственностью.

И вдруг сообщение американского агентства КИИ о том, что "Советский премьер дал приказ советскому персоналу о демонтаже ракетных установок и их возвращении в СССР". Народ не мог поверить этому сообщению. Оно вызвало глубокое замешательство. Народ не понял самой постановки вопроса о возможности вывоза ракетного оружия с Кубы, если США ликвидируют свои базы в Турции.

Я говорил, продолжает Фидель Кастро, что за годы после революции мы провели большую идеологическую работу с народом, готовя его к пониманию идей социализма, идей марксизма. Эти идеи пустили глубокие корни в народе. Он восхищается полптригой Советского правитель-

ства, учиться на примере советского народа, к которому испытывает чувства сердечной благодарности за неоценимую помощь и поддержку. Но в этот трудный момент наш народ как бы сбился с пути. Сообщение о том, что 28 октября Н.С.Хрущев отдал приказ о демонтаже ракетных установок, что инструкции об этом даны советским офицерам, что в послании нет ни одной строки о согласии правительства Кубы, потрясло народ.

Чувство разочарования, растерянности, горечи охватило кубинцев. Я выходил на улицы, выезжал в воинские части и видел, что народ не понимает этого решения.

Почему это решение принято односторонне, почему у нас забирают ракеты? Не возьмут ли обратно все оружие? — эти вопросы волновали весь наш народ.

За какие-нибудь 48 часов это чувство горечи и боли распространилось среди всего народа. События следовали быстро одно за другим. 27 октября выдвинуто предложение о вывозе оружия с Кубы при условии ликвидации баз в Турции. 28 октября последовали приказ о демонтаже и согласие на инспекцию.

Нас очень обеспокоил тот факт, что моральный дух народа резко упал. Это сказалось и на его боевом духе. К тому же участились наглые полеты американских самолетов в воздушное пространство Кубы, а нас попросили не открывать по ним огня. Все это произвело сильное деморализующее воздействие. Чувство разочарования, боли и горечи, охватившее народ, могло быть использовано контрреволюцией.

для разжигания антисоветских настроений. Враги могли воспользоваться тем, что правовые нормы, о которых мы так много говорили народу, оказались забыты. Решение было принято без консультаций, без согласования с нашим правительством.

Никто в это не хотел верить, все думали, что это - ложь.

Во-первых, в послании не было ни строки о предварительном согласии Кубы. Казалось бы, что это согласие - лишь элемент формальный, но Куба - это больше чем маленькая страна со смелым, но маленьким народом.

Наша революция важнее чем судьба нашей страны, чем судьба самого нашего народа. Мы должны защищать и беречь нашу революцию для всего мира. Нашему народу казалось, что решения, принятые без согласования с правительством Кубы, нанесли моральный ущерб нашей революции, сказались на ее авторитете в глазах народов Латинской Америки. А о престиже нашей революции, сказал Ф. Кастро, мы всегда помним. Поймите нас правильно, народ беспокоило не чувство обиды и оскорбленной гордости, а то что наш престиж в Латинской Америке может быть подорван. Понятно, что в таких условиях многие кубинцы могли сойти с правильного пути. Тем более, что в истории нашей страны были прецеденты ущемления нашего престижа, нашего суверенитета. Поэтому наш народ особенно к этому восприимчив. Ведь после окончания войны за независимость, американцы наезжали "поправку Платта", огра-

будем в любом случае решительно бороться, но дело не в этом.

В свете современных событий нам трудно понять причины вывода советского стратегического оружия. Возникает вопрос: достаточно ли хорошо был продуман и изучен этот вопрос. Или с самого начала предполагалось, что ракеты будут выведены, а мы не знали об этом.

Мы не были досрочно информированы о намерениях и планах советской стороны. Когда Че Гевара ездил в Москву, ставился вопрос об опубликовании текста соглашения. Вопрос остался неясным. Мы думали, что главное — иметь ракеты на Кубе. Поэтому нам было так трудно поверить в то, что их возвращают в Советский Союз.

27 октября ракеты были на Кубе, мы чувствовали свою ответственность перед всем социалистическим лагерем. Народу показалось, что вывоз ракет с Кубы осуществлен за счет ущемления наших национальных интересов. Если бы был поставлен вопрос об одновременной ликвидации американской базы в Гуантанамо, то наш народ понял бы это требование.

Нам было очень трудно объяснить народу сложившееся положение. Если бы эти решения были бы приняты в иной форме, то было бы легче. Если бы попросить перемирия, согласовать вопрос, мы оказались бы в лучшем положении.

Тов. А. И. Микоян заметил, что угроза агрессии была столь острой, что не было времени для консультаций.

Ф.Кастро добавил, что несмотря на его жалобы и расхождения кубинцы — верные друзья Советского Союза. Мы прежде всего марксисты — ленинцы! Между Советским Союзом и Кубой брешей не будет! Мы верим в принципиальную политику Советского правительства. Мы прежде всего революционеры. Наш народ готов к борьбе, он вдохновляется примером Советского Союза. Мы будем как зеницу ока беречь дружбу с Советским Союзом, защищать узлы дружбы и крепить их. И вот для защиты этих уз мы и решили выступить перед народом. Было необходимо что-то сказать, поднять дух нашего народа.

Я очень много думал, продолжал Ф.Кастро, советовался с товарищами из руководства и мы решили сказать народу о некоторых разногласиях, чтобы вырвать почву из-под ног у контрреволюционеров, которые могли бы начать антисоветскую пропаганду, ссылаясь на то, что вопросы решаются без нас.

Это выступление было необходимо с тактической точки зрения. Мы сказали, что расхождения есть, но мы их преодолеем путем обсуждения. Пусть народ не беспокоится — мы все обсудим. Мы подчеркнули огромную самоотверженную помощь Кубе со стороны Советского Союза, его правительства, его партии. Мы специально уделили большое внимание в печати Вашему заявлению, сделанному перед отъездом из Нью-Йорка. Оно имело огромное значение, произвело большой эффект. Народ должен забыть об обиде. Наша задача — полностью восстановить доверие народа. Положение нашего правительства сейчас хорошее. Мы решили,

что будет полезно обсудить расхождения, но ни в коем случае не допускать антисоветских высказываний. Дружба с Советским Союзом - это главное.

Затем в течение полчаса А.И.Микоян пояснял затронутые Ф.Кастро вопросы, но это пояснение было прервано получением сообщения о смерти супруги А.И.Микояна. Запись этой части беседы будет передана вместе с записью следующей беседы.

3. XI. 62 г. АЛЕКСЕЕВ

А.В.П. СССР